

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Ребьячья болтовня (Ребьяческая болтовня)

У богатого купца был детский вечер; приглашены были все дети богатых и знатных родителей. Дела купца шли отлично; сам он был человек образованный, даже выдержал в своё время экзамен при университете. На этом настоял его почтенный отец, который был сначала простым прасолом^[1], но честным и трудолюбивым человеком и сумел составить себе капиталец, а сын ещё приумножил его. Купец был человек умный и добрый, но люди не так много говорили об этих качествах, как о его богатстве.

Он вёл знакомство и с аристократами крови, и с аристократами ума – как это говорится – с аристократами и крови, и ума вместе, и, наконец, с теми, которые не могли похвалиться ни тем, ни другим аристократизмом.

Итак, у него в доме собралось большое общество, но исключительно детское; дети болтали без умолку; у них, как известно, что на уме, то и на языке. В числе детей была одна прелестная маленькая девочка, только ужасно спесивая; спесь не вбили, а «вцеловали» в неё, и не родители, а слуги, – родители были для этого слишком разумны. Отец малютки был камер-

юнкером, и она знала, что это нечто «ужасно важное».

– Я камер-юнкерская дочка! – сказала она. Она точно также могла бы быть лавочниковой дочкой, – и то, и другое одинаково не во власти самого человека. И вот, она рассказывала другим детям, что в ней течёт «настоящая кровь», а в ком её нет, из того ничего и не выйдет. Читай, старайся, учись сколько хочешь, но если в тебе нет настоящей крови, толку не выйдет. – А уж из тех, чьё имя кончается на «сен», – прибавила она: – никогда ничего не выйдет путного. Надо упереться руками в бока, да и держать себя подальше от всех этих «сен, сен!» – И она упёрлась прелестными ручонками в бока и выставила локти, чтобы показать, как надо держаться. Славные у неё были ручонки, да и сама она была премиленькая!

Но дочка купца обиделась: фамилия её отца была Мадсен, а она знала, что эта фамилия тоже кончается на «сен», и вот, она гордо закинула головку и сказала:

– Зато мой папа может купить леденцов на целых сто риксдалеров и разбросать их народу! А твой может?

– Ну, а мой папа, – сказала дочка писателя: – может и твоего папу, и твоего, и всех «пап» на свете пропечатать в газете! Все его боятся, говорит мама, – ведь, это он распоряжается газетой!

И девочка прегордо закинула головку – ни дать ни взять принцесса крови!

А за полуотворённую дверь стоял бедный мальчик и поглядывал на детей в щёлочку; мальчуган не смел войти в комнату; куда было такому бедняку соваться к богатым и знатым детям! Он поворачивал на кухне для кухарки вертел, и теперь ему позволили поглядеть на разряженных, веселящихся детей в щёлку; и это уж было для него огромным счастьем.

«Вот бы мне быть на их месте!» думалось ему. Вдруг, он услышал болтовню девочек, а, слушая её, можно было упасть духом. Ведь у родителей его не было в копилке ни гроша; у них не было средств даже выписать газету, не то что самим издавать её. Хуже же всего было то, что фамилия его отца, а значит и его собственная, как раз кончалась на «сен»! Из него никогда не выйдет ничего путного! Вот горе-то! Но кровь в нём всё-таки

была самая настоящая, как ему казалось; иначе и быть не могло. Так вот что произошло в тот вечер!

Прошло много лет, дети стали взрослыми людьми.

В том же городе стоял великолепный дом, полный сокровищ. Всем хотелось видеть его; для этого приезжали даже из других городов. Кто же из тех детей, о которых мы говорили, мог назвать этот дом своим? Ну, это легко угадать! То-то не очень! Дом принадлежал бедному мальчугану. Из него таки вышло кое-что, хоть фамилия его и кончалась на «сен» – Торвальдсен.

А другие дети? Дети кровной, денежной и умственной спеси, из них что вышло? Да, все они друг друга стоили, все они были дети, как дети! Вышло из них одно хорошее: задатки-то в них были хорошие. Мысли же и разговоры их в тот вечер были – ребяческой болтовней!

^[1]Прасол – устар. оптовый скупщик скота и разных припасов (обычно мяса, рыбы) для перепродажи.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...